

Научная статья

УДК 316.351

<https://doi.org/10.24158/tpor.2021.7.7>

Постигровые практики участия российских олимпийских и спортивных волонтеров: COVID-контекст

Марина Петровна Сухарькова^{1,2}

¹Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия, MSukharkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена олимпийским волонтерам, которые принимали участие в организации и проведении Олимпийских и Пара-олимпийских игр 2014 г., и их участию в волонтерской деятельности после мероприятий. Олимпийская волонтерская программа – первая в России комплексная программа по подготовке и сопровождению, управлению деятельностью волонтеров. Ее участники на протяжении длительного времени проходили подготовку, получили практические навыки волонтерской деятельности в рамках крупных спортивных мероприятий. Однако из-за пандемии COVID-19 у них практически нет возможности принимать участие в олимпийском и околоспортивном событийном волонтерстве. Автором статьи проведена серия социологических опросов, посвященных изучению практик волонтерства, в том числе волонтерского опыта, связанного с пандемией. Особое внимание уделено применению волонтерами знаний и навыков, приобретенных за время участия в олимпийской программе. Отдельно рассматривался вопрос о сохранении олимпийскими волонтерами целостности их сообщества после мероприятия.

Ключевые слова: волонтерство, олимпийское волонтерство, олимпийская волонтерская программа, пандемия COVID-19, волонтерство в период пандемии

Для цитирования: Сухарькова М.П. Постигровые практики участия российских олимпийских и спортивных волонтеров: COVID-контекст // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7. С. 49–58. <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.7.7>.

Original article

Post-game volunteering practices of Russian Olympic and sports volunteers: COVID context

Marina P. Sukharkova^{1,2}

¹Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, MSukharkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

²National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. This paper is about the volunteering of Olympic volunteers who took part in organizing and hosting the 2014 Olympic and Paralympic Games, and their participation in volunteer activities after the events. The Olympic Volunteer Program was the first comprehensive volunteer training, support and management program in Russia. Its participants have received training for Olympic volunteering and have experience of volunteering at major sporting events. However, due to the COVID-19 pandemic, they have almost no opportunities to take part in Olympic and sports-related event volunteering. The author of the paper conducted a series of sociological surveys on the volunteering practices, including volunteer experience related to the pandemic. Special attention was paid to the application of knowledge and skills acquired by the volunteers during their participation in the Olympic Volunteer Program. The issue of preserving the integrity of the community of Olympic volunteers after the event was considered separately.

Keywords: volunteering, Olympic volunteering, Olympic Volunteer Program, COVID-19 pandemic, volunteering during the pandemic

For citation: Sukharkova M.P. Post-game volunteering practices of Russian Olympic and sports volunteers: COVID context // Theory and Practice of Social Development. 2021. No. 7. P. 49–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.7.7>.

Введение. Волонтерство в качестве добровольного участия в реализации некоммерческих проектов без ожидания прямого материального вознаграждения может реализовываться во многих направлениях, например, экологическое волонтерство или социальное, событийное или спортивное волонтерство. К одному из направлений волонтерства относится событийное волонтерство на спортивных мегасобытиях, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры.

В 2014 г. в нашей стране стартовала первая комплексная программа по работе с олимпийскими волонтерами (волонтерами, принимающими участие в организации и/или проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр), включающая обучение, подготовку, сопровождение и

управление работой и последующую перепрофилизацию. Данная программа представляет собой инновационную для нашей страны организованную инфраструктуру, базирующуюся на межсекторном взаимодействии государственных, образовательных, некоммерческих и коммерческих организаций.

Пандемия COVID-19 затронула многие сферы, в том числе спорт, в частности, действовал продолжительный запрет на проведение крупных спортивных мероприятий [1]. Европейские исследователи [2] считают, что пандемия может стать переломным моментом для спорта. Пока нет четкого понимания новых требований к проведению мероприятий, поэтому сложно спрогнозировать будущее данной сферы. Возникает ситуация, когда олимпийские волонтеры имеют весьма ограниченные возможности для участия в подготовке и проведении крупных спортивных и иных мероприятий. В этой связи мы решили выяснить, каким образом олимпийские волонтеры принимали участие в других направлениях волонтерства.

Волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр имеют необходимые знания, навыки и опыт волонтерской работы, поэтому можно сделать предположение, что они представляют значимый волонтерский ресурс. Это важно, поскольку на протяжении последнего года существовала высокая потребность в волонтерских ресурсах [3]. Информация об участии олимпийских волонтеров в практиках волонтерства во время пандемии является важным показателем эффективности наследия олимпийской волонтерской программы по удержанию волонтеров.

Олимпийское волонтерство в период пандемии. Спортивные мегасобытия носят международный характер и масштабны по своему охвату [4]. Такие мегасобытия, как Олимпийские и Паралимпийские игры, предполагают скопление большое количество зрителей, т. к. представляют собой массовое зрелище как на местном, так и международном уровне [5]. Среди наследия спортивных мегасобытий отмечают не только значительные социально-экономические последствия для принимающей страны [6], но и повышенный риск передачи инфекционных заболеваний [7]. Таким образом, изучение последствий пандемии для сферы спортивных мегасобытий приобретает особую актуальность [8].

Существует ряд важных вопросов для обеспечения безопасности на всех этапах подготовки и проведения мероприятий. Волонтеры обычно составляют значимую часть персонала крупных спортивных мероприятий, поэтому их безопасность и сохранение считаются необходимыми условиями для успеха мероприятия [9]. Стоит отметить, что волонтеры также могут внести свой вклад в обеспечение безопасности мероприятий [10]. При этом значимый вклад волонтеров в успешное проведение мероприятий не раз отмечался организаторами [11].

Без сомнения, в период времени, когда существуют повышенные риски для здоровья населения, организаторы мероприятий должны уделять дополнительное внимание работе с волонтерами, особенно их дисциплинированности и профессионализму [12]. Более того, запрет на проведение мероприятий может привести к тому, что волонтеры сменят направление деятельности. Что безусловно окажет влияние на те знания и навыки, которые они получают, более того, дополнительные требования окажут влияние на взаимодействия между волонтерами и другими участниками их деятельности.

Кроме этого, дополнительные требования к работе и изменения в процессе подготовки и новые форматы взаимодействий могут изменить желание волонтеров продолжать эту деятельность. При обычном положении дел, как показывают исследования, волонтерство на мегасобытии способствует продолжению волонтерской деятельности после завершения мероприятия [13]. Хотя некоторые исследования, наоборот, показывают, что намерение продолжать волонтерство после мегасобытия не обязательно сохранится [14]. Решающими причинами в отказе от участия в волонтерстве, по данным исследований, являются недостаток государственного финансирования и организационные проблемы в реализации волонтерских программ [15]. Учитывая сложившиеся обстоятельства, изучение связи между волонтерством на крупном мероприятии и желанием продолжать участие в других волонтерских программах является важным исследовательским вопросом [16]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что новые требования к проведению массовых мероприятий отразятся на том социальном капитале, который развивают волонтеры через участие в подготовке и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр.

Очевидно, что пандемия оказывает влияние на все этапы подготовки волонтеров, их работу; значительные изменения произошли также в формате взаимоотношений между волонтерами, а также волонтерами и другими участниками их деятельность. И российская ситуация не является исключительной: сверхмобилизация, характерная для спортивного и около-олимпийского волонтерства, симметрична обстоятельствам консолидированной реакции российского общества на пандемию COVID-19. Кроме того, оба мобилизационных контекста в значительной степени инспирированы и поддержаны государством. В этой связи установка и мотивации тематического участия российских спортивных волонтеров вызывают повышенный исследовательский интерес.

В период с 24 марта по 7 апреля 2021 г. нами был проведен онлайн-опрос, посвященный изучению влияния пандемии коронавируса на установки спортивных волонтеров. Участие в исследовании приняли 332 волонтера*, занятые в организации и проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2014 г.

Типология олимпийских волонтеров на основе мотивации. В ходе опроса респондентам предлагалось рассказать, что они хотели получить от участия в Олимпийских и/или Паралимпийских играх в качестве волонтера. Для удобства участников возможные варианты ответов были сгруппированы в тематические блоки. На основании полученных ответов была предложена типологизация мотивов участия волонтеров в околоспортивных и олимпийских мероприятиях, определены доли носителей различных мотивов:

1) 15 % участников опроса назвали основной мотивацией своего участия в околоспортивных и олимпийских мероприятиях разнообразные «бонусы» (возможность защитить свои права, путешествовать, организовать свой досуг, повысить самооценку). Эта группа волонтеров условно названа «ловкачами»;

2) 14 % волонтеров участвовали в олимпийском волонтерстве из-за возможностей приятного времяпрепровождения, общения с интересными людьми, возможностей завести друзей или полезные знакомства. Это условные «тусовщики»;

3) участие еще 14 % было мотивировано возможностями профессиональной самореализации (возможностью повышения своего статуса в учебе и работе, возможностью приобрести новые знания, умения, квалификацию, работу, профессиональный опыт или карьерные перспективы). Условные «карьеристы»;

4) 11 % участников исследования в качестве основных мотивов своего участия в олимпийской волонтерской программе определили альтруистические мотивы (возможность помочь участникам игр, организаторам мероприятий и волонтерам, возможность обеспечить прочный «тыл» для спортсменов, реализовать собственный личностный потенциал). Условные «альтруисты»;

5) 10 % назвали в качестве ключевых романтические мотивы участия (возможность улучшить жизнь вокруг, помочь людям, лучше понять окружающих, возможность узнать новые культуры, участвовать в международном олимпийском движении и развитии волонтерского сообщества). Условные «романтики»;

6) 9 % были мотивированы возможностью решить свои проблемы и получить доступ к нужной информации, получить опыт общественной деятельности или возможность заниматься любимым делом или хобби. Условные «активисты».

27 % респондентов не смогли назвать единственной ключевой мотивации своего участия в Олимпийских и/или Паралимпийских играх в качестве волонтера или указали, что мотивация их участия в олимпийских мероприятиях значительно изменилась в ходе участия в олимпийской программе. В эту же группу вошли те, кто затрудняется однозначно определить свои мотивы.

На основании предпринятой типологизации мотивов олимпийских волонтеров, можно выделить две основные группы волонтеров: «эгоисты» и «подвижники». В первую группу были включены волонтеры следующих мотивационных типов: «тусовщики», мотивированные возможностью приятного времяпрепровождения и общения, возможностью завести друзей или полезные знакомства, общаться с интересными людьми или провести время); «ловкачи», мотивированные разнообразными «бонусами», возможностью защитить свои права, путешествовать, организовать свой досуг или повысить самооценку; «карьеристы», принимающие участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр для получения возможности профессиональной самореализации, повышения своего статуса в учебе и работе, возможности приобрести новые знания, умения, квалификацию, работу, профессиональный опыт или карьерные перспективы.

В группу условных «подвижников» были включены носители «альтруистской» мотивации, мотивированные желанием помочь участникам игр, организаторам мероприятий и другим волонтерам, обеспечить прочный «тыл» для спортсменов, реализовать собственный личностный потенциал; «активисты», которые работали в качестве олимпийских волонтеров по причине доступа к возможности решить свои проблемы и получить доступ к нужной информации, получить

---

*Доля мужчин среди участников опроса составила 59 %, доля женщин – 41 %. Среди мужчин 58 % опрошенных составили респонденты в возрасте 18–30 лет, 24 % – это мужчины в возрасте 31–55 лет, 18 % старше 55 лет. Среди женщин большинство (61 %) составили молодые девушки в возрасте 18–30 лет, 28 % женщин в возрасте от 31 до 55 лет и 10 % старше 55 лет. Большинство опрошенных волонтеров отнесли себя к средне материально обеспеченным; еще 20 % – к высоко материально обеспеченным; 17 % – к низко материально обеспеченным; 1 % – к живущим за чертой бедности; 18 % затруднились оценить свое материальное положение. Большинство участников опроса (51 %) проживают в областном, краевом, республиканском центре; 30 % – в мегаполисах; 11 % – в небольших городах и районных центрах; 6 % – в селах; 2 % – в поселках городского типа.

опыт общественной деятельности, возможности заниматься любимым делом или хобби; «романтики», руководствующиеся романтическими мотивами, возможностью улучшить жизнь вокруг, помочь людям, лучше понять окружающих, возможностью узнать новые культуры, участвовать в международном олимпийском движении и развитии волонтерского сообщества.

В отдельную группу были включены олимпийские волонтеры, не сумевшие назвать единственной ключевой мотивации своего участия в Олимпийских и/или Паралимпийских играх. В эту же группу вошли те, чья мотивация участия в олимпийских мероприятиях в качестве волонтеров значительно изменилась, и те, кто затруднился однозначно определить свои мотивы.

Результаты опроса демонстрируют возрастные различия мотивации участников исследования: чем старше волонтеры, тем выше мотивированность участия, тем больше рациональных факторов включенности в олимпийскую волонтерскую программу. Самые молодые волонтеры в возрасте 18–30 лет среди основных мотивов своего участия в Олимпийских и/или Паралимпийских играх в качестве волонтера называли приятное времяпрепровождение и возможность завести друзей или полезные знакомства (15 %) и разнообразные бонусы (по 15 %). Еще 14 % назвали мотивирующей возможностью профессиональной самореализации. Четверть волонтеров данной возрастной группы не смогли назвать ключевого мотива участия.

Мотивация участия волонтеров 31–55 лет более четкая: 19 % принимали участие в олимпийской программе из-за разнообразных «бонусов», путешествовать и организовать свой досуг, еще 18 % – по причине профессиональной самореализации, повышения своего статуса в учебе и работе, возможности приобрести новые знания, умения, квалификацию, работу, профессиональный опыт или карьерные перспективы.

30 % респондентов старшей возрастной группы (старше 55 лет) были мотивированы приятным времяпрепровождением и общением, возможностью завести друзей или полезные знакомства, общением с интересными людьми, возможностью провести время и временной занятостью. Еще 18 % были мотивированы романтическими мотивами, 16 % – альтруистическими мотивами.

Таким образом, если на начальном этапе включения в волонтерское движение многие молодые участники мотивированы скорее романтическими мотивами или участвуют в нем «по инерции», слабо представляя возможные бонусы активизма, то средневозрастные волонтеры зачастую очень прагматичны. Мотивы участия пожилых волонтеров обусловлены преимущественно желанием разнообразить собственную повседневность.

Мужчины оказались более рациональны при объяснении мотивов участия в волонтерстве, составив основной «костяк» группы «мотивационных эгоистов»: 17 % принимали участие, надеясь на разнообразные «бонусы», возможность защитить свои права, путешествовать и организовать свой досуг или повысить самооценку, 15 % расценивали волонтерство на Олимпийских и Паралимпийских играх как возможность профессиональной самореализации, повышения своего статуса в учебе и работе, возможность приобрести новые знания, умения, квалификацию, работу, профессиональный опыт или карьерные перспективы, еще 13 % мужчин рассчитывали решить свои проблемы и получить доступ к нужной информации, приобрести опыт общественной деятельности.

Мотивация женщин была более альтруистична: 14 % участниц опроса участвовали в волонтерстве из романтических мотивов (стремясь улучшить жизнь вокруг, помочь людям, лучше понять окружающих, узнать новые культуры, участвовать в международном олимпийском движении и развитии волонтерского сообщества), еще 12 % были ведомы альтруистическими мотивами, желанием помочь участникам и организаторам мероприятий. Однако среди женщин-волонтеров немало и рационально мотивированных участников: 15 % участниц опроса видели в волонтерстве на Олимпийских и Паралимпийских играх возможность приятного времяпрепровождения и общения, возможность завести друзей или полезные знакомства, 14 % привлекали разнообразные «бонусы» волонтерства, 13% – профессиональная самореализация.

Волонтерский опыт олимпийских волонтеров в 2020–2021 гг. Пандемия коронавируса внесла серьезные коррективы не только в организацию спортивных мероприятий, но и в волонтерское движение: новые требования к взаимодействиям с людьми, затрет на передвижения людей старшего возраста, высокий уровень опасности заражения, а также необходимость перехода в онлайн-сферу. Однако, несмотря на серьезные трудности не только с осуществлением рабочих задач, но и с участием в волонтерской деятельности, более половины участников движения (57 %) работали в качестве волонтера в течение последнего «пандемического» года. Занятость сохранили почти все мужчины-волонтеры (80 %), женщины участвовали в волонтерских инициативах значительно реже – лишь 41 % участниц опроса. Это свидетельствует либо о большей «свободе» волонтеров-мужчин от обязательств по повседневной заботе о своих близких в условиях пандемии, либо о большей востребованности мужчин-волонтеров в экстремальных условиях (как минимум по причине большей физической выносливости и силы занятость в качестве

курьеров, водителей, разнорабочих), либо о значительно большем волонтерском опыте и готовности выполнять самую разную работу. Работали в пандемию в качестве волонтера прежде всего респонденты 31–55 лет (76 %) и многие респонденты в возрасте от 18–30 лет (56 %). Часть пожилых волонтеров были вынуждены приостановить свою волонтерскую карьеру в связи с требованием соблюдения режима самоизоляции для людей в возрасте от 65 лет.

Обращает на себя внимание то, что носители различной мотивации весьма своеобразно отреагировали на пандемию, что отразилось, прежде всего, в их занятости в прошедшем году. Продолжили работу в качестве волонтеров в течение непростого «коронавирусного» года большинство волонтеров, которых можно отнести к группе «подвижников»: руководимые романтичными (76 %) и альтруистическими (71 %) мотивами. Немало среди продолживших работу было волонтеров без ключевой мотивации (66 %) и откровенных «ловкачей» (64 %), очевидно, пытавшихся приспособиться посредством волонтерства к непростой ситуации (например, использовать статус волонтера для получения пропусков для передвижения или регулярного медицинского осмотра). Не у дел из-за пандемии остались большинство «тусовщиков» (69 %), искавших в спортивных мероприятиях возможность приятного времяпрепровождения и общения, «карьеристы» (61 %), ориентированные на профессиональную самореализацию, и «активисты» (55 %).

При этом занятость большинства волонтеров носила скорее номинальный, символический характер: большинство (70 %) работали не чаще одного-двух раз в год, лишь около четверти (23 %) олимпийских волонтеров принимали участие в практиках волонтерства несколько раз в месяц, 2 % работали в качестве волонтеров несколько раз в неделю, 1 % каждый день. Чаще других о своей относительно регулярной занятости в «пандемический год» (занятость несколько раз в месяц) заявляли респонденты среднего возраста (31–55 лет). Значимых различий между мужчинами и женщинами в показателях интенсивности участия в волонтерстве в течение последнего года опрос не зафиксировал. Наиболее интенсивной в течение прошедшего пандемического года была занятость «альтруистов» и «романтиков»: 37 % и 30 % работали в течение прошедшего года в качестве волонтеров несколько раз в месяц; 6 % альтруистов признались также, что работали волонтером каждый день.

Далее рассмотрим, какие направления деятельности были наиболее популярны у олимпийских волонтеров за последний год. 91 % участников исследования принимали участие в социальном волонтерстве, направленном на оказание помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям, воспитанникам детских домов или нуждающимся во внимании и постоянном уходе; 37 % – в медицинском волонтерстве, призванном повысить качество медицинской помощи, профилактики заболеваний, лечения и реабилитации; 32 % – в образовательном волонтерстве; 30 % – в событийном волонтерстве, реализуемом в процессе подготовки и проведения различных мероприятий; 28 % – в экологическом волонтерстве, направленном на сохранение окружающей среды и решение экологических проблем; 27 % – в онлайн-волонтерстве; 23 % – в культурно-просветительском волонтерстве; 12 % – в серебряном волонтерстве (волонтерской деятельности, в которой безвозмездно принимают участие люди старшего возраста); 9 % – в корпоративном волонтерстве (волонтерская деятельность представителей государственных и/или коммерческих структур, которые при поддержке организации, где они работают, принимают активное участие в социально значимой деятельности на безвозмездной основе); 2 % – волонтерстве в чрезвычайных ситуациях (волонтерская деятельность в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах).

Мужчины заметно чаще женщин принимали участие в медицинском волонтерстве (57 % против 24 %), событийном (44 % против 19 %), онлайн-волонтерстве (38 % против 19 %), экологическом волонтерстве (32 % против 25 %). Женщины чаще оказывались вовлечены в мероприятия культурно-просветительского волонтерства (30 % против 13 %). Респонденты среднего возраста (31–55 лет) активнее других были вовлечены во все сферы волонтерства: экологическое, медицинское, социальное и пр. Исключение составляет социальное волонтерство, участие в котором активнее всего принимали пожилые волонтеры старше 55 лет.

Данные настоящего исследования свидетельствуют, что большинство волонтеров выполняют специализированную, требующую особой квалификации, работу. Более половины (53 %) респондентов в течение прошедшего года выполняли волонтерскую работу, требующую специальных практических навыков и подготовки; еще 3 % выполняли работу, требующую экспертных знаний и серьезной подготовки. Выполняли волонтерскую работу, не требующую специальных знаний, навыков и подготовки, 44 % опрошенных, выступая неквалифицированной рабочей силой.

Экспертные функции в качестве волонтеров выполняли в первую очередь самые возрастные волонтеры, старше 55 лет (11 %). Работу, требующую специальных практических навыков и подго-

товки, выполняли респонденты среднего возраста (71 %). Самые молодые участники исследования (18–30 лет) выполняли работу, не требующую специальных знаний, навыков и подготовки. Мужчины в течение прошедшего года чаще выполняли волонтерскую работу, где нужны специальные практические навыки и подготовка (63 %), женщины же были заняты преимущественно неквалифицированным трудом (52 %). Интересно, что экспертные функции выполняли преимущественно «альтруисты», «активисты» и волонтеры без ключевой мотивации были заняты на работе, требующей специальных навыков (66 % и 71 %). «Ловкачи» были чаще других задействованы в качестве разнорабочих (78 %), среди «карьеристов» данный показатель составил 43 %.

Таким образом, в 2020–2021 гг. участники олимпийской волонтерской программы продолжают принимать участие в практиках волонтерства, хотя и делают это не так часто. Заметно активнее в волонтерские мероприятия в прошедшем году были вовлечены мужчины и волонтеры среднего возраста. Заметный отпечаток на выбор сфер деятельности наложила общая мотивация участия волонтеров. За последнее время немало олимпийских волонтеров перепрофилировались в другие направления волонтерства, включая относительно новые направления, такие как онлайн-волонтерство и наиболее актуальные, такие как медицинское. И хотя более половины (52 %) респондентов не участвовали в медицинских волонтерских инициативах, более трети (39 %) имели опыт работы в сфере здравоохранения или медицины. Чаще в медицинскую волонтерскую деятельность были вовлечены женщины (51 % против 21 % среди мужчин), а также молодежь до 30 лет (44 % против 36 % средневозрастных волонтеров). Чаще других о своей занятости в медицинском волонтерстве говорили носители условной «подвижнической мотивации» волонтерского участия: «активисты» (66 %) и «романтики» (52 %). А вот «эгоисты» чаще заявляли о своем неучастии – 71 % среди «тусовщиков» и 62 % среди «ловкачей».

Полученные данные свидетельствуют, что почти все волонтеры, задействованные в здравоохранении и медицинской сфере, получили опыт работы волонтером, связанный с пандемией COVID-19 и необходимостью противостоять ее распространению. Среди участников опроса 29 % имели подобный опыт. При этом, как уже упоминалось, 39 % опрошенных волонтеров были вовлечены в сферу здравоохранения и медицины. Тем не менее большинство 70 % респондентов не имели опыта волонтерской работы, связанной с пандемией и необходимостью противостоять распространению коронавирусной инфекции.

Опыт работы волонтером, связанный с пандемией и необходимостью противостоять распространению коронавирусной инфекции, имели в первую очередь мужчины (33 % против 25 % среди женщин), а также самые молодые респонденты до 30 лет (36 % против 25 % среди средневозрастных респондентов 31–55 лет). Только 5 % респондентов старше 55 лет имели опыт работы волонтером, связанный с пандемией. Чаще других о своем участии в волонтерской работе, связанной с пандемией и необходимостью противостоять распространению коронавирусной инфекции, заявляли «альтруисты» (51 %) и «карьеристы» (46 %). Подавляющее большинство «ловкачей» (80 %), волонтеров без выраженной мотивации (86 %) и «тусовщиков» (71 %) с «антиковидным волонтерством» дела не имели.

Тем участникам исследования, которые имели опыт волонтерской работы, связанной с COVID-пандемией, предлагалось рассказать, в каких направлениях волонтерских работ они принимали участие. 39 % ответили, что они оказывали помощь людям, находящимся на самоизоляции (покупали, заказывали, привозили продукты и лекарства, помогали с уборкой, помогали оформлять электронные пропуска, оказывали психологическую помощь и т. д.), 21 % оказывали помощь врачам или членам их семей; 13 % работали в кол-центрах по вопросам борьбы с COVID-19, 8 % работали в качестве волонтеров в медицинских учреждениях, оказывающим помощь больным, 9 % осуществляли сбор необходимых вещей для пострадавших от пандемии; 5 % принимали участие в сборе денежных средств, необходимых для помощи пострадавшим от болезни или изоляции; 4 % участников исследования затруднились выделить какие-либо из предложенных направлений волонтерской деятельности.

Хотя многие волонтеры в период пандемии резко приобрели новые навыки и умения, будучи заняты в необычных для себя сферах, большинство из них тем не менее сумели применить в ситуации пандемии полученный волонтерский опыт (71 %). Накопленный опыт волонтерства был использован в первую очередь мужчинами (83 %), среди женщин об этом сказали 63 %. Более трети опрошенных женщин (37 %) указали, что в ситуации пандемии им не удалось применить свой волонтерский опыт (среди мужчин этот показатель составил всего 17 %).

Олимпийский опыт удалось применить в первую очередь олимпийским волонтерам 31 – 55 лет (88 %). Среди самых молодых респондентов в возрасте до 30 лет волонтерский опыт в условиях пандемии удалось применить 63 %, среди респондентов старше 55 лет – 73 %. Удалось применить свой волонтерский опыт в условиях пандемии прежде всего тем олимпийским волонтерам, которые руководствовались романтическими и альтруистскими мотивами участия в движении (76 и

71 %), а также условным «тусовщикам» (71 %). «Ловкачи», мотивированные к участию в волонтерстве разнообразными бонусами, чаще других признавались, что они не смогли конвертировать свой опыт в ситуации пандемии (40 % против 29 %, к примеру, среди альтруистов).

Большинству опрошенных удалось применить в ситуации пандемии не только полученный волонтерский опыт, но и знания и контакты, сформированные в рамках волонтерской деятельности (60 %). Несколько чаще к сети волонтерских контактов обращались женщины (61 %, против 57 % среди мужчин) и представители средней возрастной группы 31–55 лет (62 % против 60 % среди самых молодых и 55 % старше 55 лет). К накопленным контактам и знаниям в период пандемии обращались в первую очередь «романтики» (70 %), 76 % волонтеров, не сумевших выделить основную причину своего участия в олимпийской волонтерской программе, 70 % волонтеров-романтиков, 60 % «ловкачей» и 57 % «карьеристов». Тогда как 66 % «активистов», 54 % «альтруистов» и 50 % «тусовщиков» не смогли применить полученные знания или контакты, сформированные в рамках волонтерской деятельности в период пандемии.

Среди представителей волонтерского сообщества в принципе весьма востребован запрос на формирование прочной коммуникации с соратниками и единомышленниками. Подавляющее большинство опрошенных (84 %) в той или иной степени желали бы сохранить приобретенные в ходе разнообразных мероприятий контакты с волонтерским сообществом. При этом более половины опрошенных (51 %) указали на высокую значимость сохранения профессиональных контактов. Чаще других к сохранению контактов стремятся пожилые волонтеры (старше 55 лет, 70 %), женщины (55 %) и самые молодые (18–30 лет, 53 %). А вот среди респондентов среднего возраста (31–55 лет) выше эксклюзивистские настроения, более трети (38 %) признались, что не хотели бы сохранять контакты и продолжать общение с другими волонтерами.

Исследование продемонстрировало общий высокий уровень доверия между участниками волонтерского сообщества. Большинство (78 %) полностью или скорее доверяют своим коллегам по олимпийскому волонтерству. О недоверии своим соратникам заявили менее четверти опрошенных (22 %). Более высокий уровень доверия своим коллегам-волонтерам демонстрируют женщины (80 % в той или иной степени доверяют соратникам, против 73 % среди мужчин), а также самые пожилые участники опроса, старше 55 лет (94 %). Самый высокий уровень недоверия коллегам среди волонтеров среднего возраста, 31–55 лет – почти треть, 32 %, заявили о том, что они скорее или совершенно не доверяют своим коллегам (среди самых молодых респондентов уровень недоверия 22 %, среди самых пожилых – 7 %).

Чаще склонны доверять своим коллегам волонтеры с условно «подвижнической» мотивацией: «альтруисты» и «романтики» (по 97 %), в базовых установках которых в принципе значительно актуализирован высокий уровень доверия окружающим. Предсказуемо высок уровень доверия коллегам и среди «тусовщиков», ориентированных на ценности общения (81 %). А среди «карьеристов», ожидающих от волонтерства карьерной самореализации или повышения своего статуса в учебе, работе и пр., довольно высок уровень недоверия коллегам (39 %). Видимо, скандываются установки карьерной конкуренции.

В целом высокий уровень доверия внутри волонтерского сообщества обеспечивает поддержание контактов после мероприятий. Подавляющее большинство опрошенных (89 %) продолжают общаться со своими коллегами и знакомыми по Олимпийской волонтерской работе по самому широкому кругу вопросов. 54 % обсуждают со своими коллегами и знакомыми по Олимпийской волонтерской работе повседневные проблемы, 21 % обсуждают темы, касающиеся волонтерской работы на Олимпийских и/или Паралимпийских играх.

Несмотря на серьезные изменения повседневной жизни волонтеров, обусловленные влиянием пандемии, более половины (52 %) ответили, что пандемия не повлияла на их желание продолжить волонтерскую деятельность. Менее всего влияние пандемии на себе ощутили «активисты» (62 %) и волонтеры без центральной мотивации участия (69 %). А вот «ловкачи» (64 %) и «альтруисты» (63 %) ощутили на себе серьезные последствия пандемии.

Наиболее значимые изменения произошли в сфере образования и повышения квалификации (27 %), в профессиональной сфере (26 %), в семейной жизни (18 %), в общении с друзьями и знакомыми (11 %). Лишь каждый пятый участник исследования (18 %) не ощутил за последний год существенных изменений своей жизни.

Несмотря на масштабные перемены в жизни многих волонтеров, ощутившие на себе серьезное влияние пандемии участники опроса рассказывали скорее о позитивных изменениях: у многих появились новые друзья (87 %), укрепилось взаимопонимание в семье (76 %), увеличился доход (65 %), появились новые увлечения и хобби (55 %), многим удалось значительно повысить свою профессиональную квалификацию, получить повышение на работе, использовать новые профессиональные перспективы (52 %) и даже найти новую работу (48 %). Вместе с тем немало и тех, чья жизнь под влиянием пандемии заметно ухудшилась: 73 % опрошенных вынуждены

отказаться от привычного уклада жизни, 32 % респондентов потеряли прежние связи с друзьями и знакомыми, у 21 % волонтеров ухудшились отношения в семьях, 21 % потеряли работу, уволились и были уволены. Еще 17 % участников исследования выбрали вариант ответа, что они остались в профессии, но радикально изменили специфику своей деятельности.

Одной из ключевых примет «коронавирусного времени» стал переход многих людей на удаленный режим работы и учебы. Это коснулось и волонтерского движения, прежде всего, его образовательной составляющей. Несмотря на ряд достоинств онлайн-формата обучения волонтеров, большинство опрошенных (49 %) считают, что виртуальные курсы скорее препятствует повышению уровня подготовки волонтеров. В обратном убеждены около четверти (28 %). 17 % считают онлайн- и офлайн-обучение равноценными. Более скептически в оценках онлайн-обучения женщины (55 % против 39 % среди мужчин) и респонденты старше 55 лет (73 %). Мужчины (33 %) и молодежь 18–30 лет (30 %) чаще говорят, что онлайн-обучение способствует повышению уровня подготовки волонтеров.

Несмотря на произошедшие изменения, более половины опрошенных волонтеров (52 %) ответили, что пандемия не повлияла на их желание продолжать волонтерскую деятельность. Остались верны своим волонтерским мотивам, несмотря на мотивацию, прежде всего, волонтеры, не выделивших основной мотивации участия в олимпийской программе (69 %), «активисты» (62 %) и «романтики» (55 %). Среди тех, кто под влиянием пандемии изменил желание продолжать волонтерскую деятельность (таких среди участников опроса было 48 %), оказались «ловкачи» (64 %), «альтруисты» (63 %), «тусовщики» (58 %) и «карьеристы» (52 %).

Говоря о будущем большинство респондентов преимущественно оптимистичны: 20 % респондентов считают, что ситуация точно улучшится; еще 45 % ожидают скорее улучшения, а не ухудшения. На негативный сценарий в той или иной степени ориентируется четверть опрошенных (23 %). Еще 10 % не ожидают изменений. Более оптимистичны в отношении будущего женщины (74 % против 51 % среди мужчин). Треть опрошенных мужчин-волонтеров (34 %) ответили, что ситуация в будущем ухудшится, женщины этого мнения придерживаются вдвое реже (16 %). Наиболее позитивный настрой на будущее продемонстрировали участники исследования старше 55 лет (72 % из них считают, что ситуация в будущем улучшится). Наиболее пессимистичные показатели продемонстрировали участники исследования, относящиеся к средней возрастной группе: 40 % респондентов в возрасте от 31 до 55 лет ожидают, что ситуация ухудшится.

Несмотря на определенные негативные ожидания, олимпийские волонтеры уверены в своем будущем, готовы адаптироваться к непредвиденным ситуациям. Подавляющее большинство опрошенных волонтеров (по 88 %) уверены, что они могут влиять на то, что с ними происходит, и согласны, что то, что произойдет с ними в будущем, во многом зависит от них. Лишь 12 % опрошенных волонтеров (в обоих случаях) чувствуют неуверенность в своих силах и возможностях. 79 % олимпийских волонтеров уверены, что всегда могут выполнить задуманное; 58 % уверены в своих возможностях привлечь людей для совместного решения актуальной проблемы. Олимпийские волонтеры демонстрируют высокий уровень ответственности и самоконтроля, принимая на себя ответственность за происходящие в их жизни изменения.

Рассуждая о перспективах волонтерского движения, среди основных проблем опрошенные волонтеры называли отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах (19 %), нехватку времени на все волонтерские инициативы (11 %), недоверие людей к волонтерам и их деятельности (10 %), лень тех, кто мог бы, но не захотел участвовать в волонтерской деятельности (10 %). Еще 8 % олимпийских волонтеров ответили, что основными причинами, препятствующими развитию волонтерства в нашей стране, являются сложности выбора направления волонтерской работы; 7 % выделили низкий уровень жизни людей, необходимость постоянного поиска источника дохода. Также олимпийские волонтеры отметили низкий уровень доверия людей друг другу и необходимость соблюдения эпидемиологических требований (6 %), высокую занятость (трудовую загруженность, семейные обязательства) (5 %); низкое качество управления волонтерами (5 %); потребительское отношение людей к жизни (5 %); недоверие граждан к некоммерческим (благотворительным) организациям (3 %); отсутствие государственной поддержки волонтеров (3 %); разобщенность волонтерского сообщества (3 %); «озлобленность» людей (2 %); несовершенство законодательства, регулирующего сферу волонтерства (2 %); трудность получения теоретической и практической подготовки для работы в качестве волонтера (2 %); опасность заражения в процессе работы (1 %); социальную апатию (1 %). Стоит отметить, что 18 % респондентов не сталкивались с дополнительными проблемами в развитии волонтерства. В итоге можно говорить о том, что олимпийские волонтеры в основном отмечали те проблемы, которые не соотносятся с государственной политикой и внешними воздействиями, называя недостаточность информационного распространения о возможностях волонтерства как одну из самых главных причин.

Выводы. Ситуация 2020 г. привела к тому, что массовые мероприятия всех уровней не проводились, следовательно, волонтеры не могли принимать участие в их проведении. Однако участники олимпийской волонтерской программы обладают значительными знаниями и навыками, а также опытом волонтерской работы, что делает их ценными для волонтерского сообщества в целом. Более того, изучение волонтерской активности олимпийских волонтеров после игр является параметром оценки эффективности программы олимпийского волонтерства.

Что касается олимпийского волонтерства в период пандемии, заметим, что массовый охват мероприятий, которые служат площадкой для этого направления волонтерства, и их масштаб приводит к тому, что сейчас нет информации, когда будут проводиться запланированные мероприятия и каковы будут новые требования к подготовке и работе волонтеров на этих мероприятиях. Хотя именно волонтеры могут внести существенный вклад в обеспечение безопасности спортивных мегасобытий.

На основе опроса олимпийских волонтеров нами было выявлено, что более половины участников олимпийского волонтерского сообщества работали в качестве волонтера в течение последнего года. При этом социальное волонтерство было самым популярным направлением деятельности и большинство волонтеров выполняли специализированную работу, требующую особой квалификации. Тем не менее большинство участников нашего исследования не имели опыта волонтерской работы, связанной с пандемией COVID-19 и необходимостью противостоять распространению коронавирусной инфекции, но им удалось применить в ситуации пандемии не только полученный волонтерский опыт, но и знания и контакты, сформированные в рамках волонтерской деятельности.

Отвечая на вопрос, удалось ли олимпийским волонтерам сохранить целостность своего сообщества, заметим, что среди представителей олимпийского волонтерского сообщества в принципе весьма востребован запрос на формирование прочной коммуникации с соратниками и единомышленниками. Результаты исследования также продемонстрировали общий высокий уровень доверия между участниками олимпийского волонтерского сообщества.

Изучение олимпийского волонтерского сообщества спустя время после мероприятия позволяет получить информацию о том, насколько применимы в повседневной жизни знания и навыки, которые приобретают волонтеры. Это в свою очередь является показателем не только социального капитала, который приобретают волонтеры, но и эффективности программ по работе с ними.

Список источников:

1. Clarkson B.G., Culvin A., Pope S., Parry K.D. Covid-19: Reflections on threat and uncertainty for the future of elite women's football in England // *Managing Sport and Leisure*. 2020. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/23750472.2020.1766377>; Leng H.K., Phua Y.X.P. Athletes as role models during the COVID-19 pandemic // *Managing Sport and Leisure*. 2020. P. 1–5. <https://doi.org/10.1080/23750472.2020.1762330>; Parnell D., Widdop P., Bond A., Wilson R. COVID-19, networks and sport // *Managing Sport and Leisure*. 2020. P. 1–7. <https://doi.org/10.1080/23750472.2020.1750100>
2. Parnell D., Widdop P., Bond A., Wilson R. Op. cit.; Stott C., West O., Harrison M. A turning point, securitization, and policing in the context of Covid-19: Building a new social between state and nation? // *Policing: A Journal of Policy and Practice*. 2020. Vol. 14, iss. 3. P. 574–578. <https://doi.org/10.1093/police/paaa021>
3. Паклина Е.А. Организация волонтерской деятельности в период пандемии COVID-19 // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2020. № 4 (45). С. 130–135. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-4-130-135>
4. Giulianotti R., Klausner F. Security governance and sport mega-events: Toward an interdisciplinary research agenda // *Journal of Sport and Social Issues*. 2010. Vol. 34, iss. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1177/0193723509354042>; Parent M.M., Smith-Swan S. Managing major sports events: Theory and practice. L., 2012. 432 p. <https://doi.org/10.4324/9780203132371>; Viehoff V., Poynter G. Mega-event cities: urban legacies of global sports events. L., 2015. 275 p. <https://doi.org/10.4324/9781315594798>
5. Tomlinson A., Young C. National identity and global sports events: culture, politics and spectacle in the Olympics and Football World Cup. Albany, 2006.
6. The health and socioeconomic impacts of major multi-sport events: Systematic review (1978–2008) / G. McCartney [et al.] // *BMJ*. 2010. Vol. 340. <https://doi.org/10.1136/bmj.c2369>
7. London 2012 Olympic and Paralympic games: public health surveillance and epidemiology / B. McCloskey [et al.] // *Lancet*. 2014. Vol. 383, iss. 9934. P. 2083–2089. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(13\)62342-9](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(13)62342-9)
8. Mann R.H., Cliff B.C., Boykoff J., Bekker S. Athletes as community; athletes in community: Covid-19, sporting mega-events and athlete health protection // *British Journal of Sports Medicine*. 2020. Vol. 54, iss. 18. P. 1071–1072. <https://doi.org/10.1136/bjsports-2020-102433>
9. Boyle P., Haggerty K.D. Planning for the worst: Risk, uncertainty and the Olympic Games // *The British Journal of Sociology*. 2012. Vol. 63, iss. 2. P. 241–259. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2012.01408.x>; Cuskelly G., Hoye R., Auld C. Working with volunteers in sport: Theory and practice. Routledge, 2006. 190 p.; Nichols G., Ralston R. Social inclusion through volunteering: The legacy potential of the 2012 Olympic Games // *Sociology*. 2011. Vol. 45, iss. 5. P. 900–914. <https://doi.org/10.1177/0038038511413413>
10. Bladen C.R. Media representations of volunteers at the Beijing Olympic Games // *Sport in Society*. 2012. Vol. 13, iss. 5. P. 784–796. <https://doi.org/10.1080/17430431003651024>

11. What goes into postponing the Olympic Games? // International Olympic Committee. URL: <https://olympics.com/ioc/news/what-goes-into-postponing-the-olympic-games> (дата обращения: 30.06.2021); Volunteers at UEFA EURO 2020 // UEFA. URL: <https://www.uefa.com/uefaeuro-2020/about/volunteers/> (дата обращения: 30.06.2021).
12. Boschilia B., Moraes L., Marchi W. Football and COVID-19: The effects of the pandemic on training and performance of South American and Brazilian referees // Soccer & Society. 2021. Vol. 22, iss. 1–2. P. 58–65. <https://doi.org/10.1080/14660970.2020.1829597>
13. Fairley S., Gardiner S., Filo K. The spirit lives on: The legacy of volunteering at the Sydney 2000 // Event Management. 2016. Vol. 20, iss. 2. P. 201–215. <https://doi.org/10.3727/152599516x14610017108747>
14. Ralston R., Lumsdon L., Downward P. The third force in events tourism: Volunteers at the XVII Commonwealth Games // Journal of Sustainable Tourism. 2005. Vol. 13, iss. 5. P. 504–519. <https://doi.org/10.1080/09669580508668576>; Ritchie B.W., Chien M.P., Shipway R. A leg(acy) to stand on? A non-host resident perspective of the London 2012 Olympic legacies // Tourism Management. 2020. Vol. 77. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104031>
15. Nichols G., Ralston R., Holmes K. The 2012 Olympic ambassadors and sustainable tourism legacy // Journal of Sustainable Tourism. 2017. Vol. 25, iss. 11. P. 1513–1528. <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1291648>
16. Mair J., Chien M., Kelly S. J., Derrington S. Social impacts of mega-events: A systematic narrative review and research agenda // Journal of Sustainable Tourism. 2021. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1870989>

Информация об авторе

М.П. Сухарькова – аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аналитик научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=822169.

Information about the author

M.P. Sukharkova – PhD student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; analyst, Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=822169.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.06.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 01.07.2021.